

Григорий Аркадьевич Бритва

«Я родился в 22 году, 3 апреля. Школу прошел, правда, не полностью, только девять классов закончил. Это связано было с тем, что жизнь была не из легких. Отец ходил на работу, мало зарабатывал, и пришлось пойти немного подработать. Закончил я музыкальную школу с грамотой, три года за два. А потом меня пригласили в детский кинотеатр. У нас в городе, в Умани, это был районный центр, Киевская область тогда, очень хороший город, зелененький был... Там парк Софиевка назывался, а потом имени Потовского, очень хороший парк. Туда выезжали, отдыхали. Вот, пришлось пойти работать в детский кинотеатр. Там был маленький эстрадно-симфонический оркестр, и меня туда пригласили. Через некоторое время меня пригласили и во взрослый кинотеатр, так что я работал в детском и во взрослом.

Перед каждым сеансом сорок пять минут мы играли для слушателей. Оркестр был очень хороший, подвижный. Руководитель хороший был, и хорошие произведения играли. Такие интересные, народ слушал очень внимательно. И певица была. Через некоторое время мне стало тяжело, потому что я родился в 22 году, а на Украине был голод. Очень большой голод. Мать мне рассказывала, что кормить нечем было. Я был очень худой, поэтому я почувствовал, когда начал работать – с помощью легких, почувствовал тяжесть. Пришлось бросить один участок – детский кинотеатр. Я работал во взрослом кинотеатре до начала войны. Начал я в 39 году и закончил в 41 году.

В 41 году – война. Мы не знали, что это такое, но представляли себе. И начали готовить молодежь овладевать винтовкой. В нашем городе. Винтовкой и штыком. В июле месяце нас всех собрали, потом я узнал у этого капитана, который был старшим – собирали всех молодых. Таких колонн было десять, по сто ребят, и выводили пешком. Мы не знали, куда, а потом узнали, что идем в направлении к городу Сталино. Это Донбасс, Донецк. Шли мы очень долго, особенно передвигались ночью, потому что бомбили сильно. Первое время он даже за каждым человеком гонялся – самолеты обстреливали. Поэтому мы ночью двигались. Двигались в любую погоду, дожди были. У меня были сапоги на ногах, курточка... Сапоги расползлись, через некоторое время подметки начали отставать. И,

конечно, все было, вся грязь была там. Но, так как молодость берет всегда свое, поэтому не отразилось никак, во всяком случае, я не чувствовал.

Так мы двигались, пока не дошли сто километров до города Сталино. Там нас посадили на открытые платформы, и мы приехали в Сталино. Разделили нас – были многие, не только с Украины. Но те, которые с Украины были – разделили нас на две группы. Одна группа осталась в самом Сталино, а другую группу направили в помощь сельскому хозяйству, селам. Очень богатый был урожай. Ну мы до сентября месяца там поработали. Принимали нас замечательно. Жили мы по два человека у хозяйки, она все делала абсолютно – и кормила, и обстирывала, а мы работали.

В сентябре месяце призвали меня и посадили в эшелон. Конечно, никаких не было вагонов пассажирских, были товарные вагоны. Посадили нас, и мы ехали, не знали, куда. Мы только узнали тогда, когда начали подъезжать к городу Томск. Высадили нас, посадили в автобусы, и мы приехали в Ленинградское военное артиллерийское училище.

Там побыли мы с месяц, не больше, начали даже учиться, а потом нам сказали, что все те, которые приехали с Украины, их направляют в военно-медицинское киевское училище, которое находилось в то время под Свердловском. Приехали туда, там был годичный ускоренный курс, прошли полностью, что положено для того, чтобы оказать первую медицинскую помощь раненым. В сентябре месяце 42 года меня направили на Сталинградский фронт, так что военное крещение было там. Я себе, конечно, не представлял. Но, когда приехали, мы на одну железнодорожную станцию, военный комендант нас предупредил: вы побудете здесь немного, потому что погибли и ранены некоторые медицинские работники – военные санитары, которые обслуживали раненых. Разбомбили несколько эшелонов с ранеными, и вам придется здесь остаться, чтобы помочь.

Я попросил, чтобы обязательно связались с командиром 64-й танковой бригады, куда меня отправили, чтобы предупредить, где я нахожусь. Потому что тогда карали без разговоров – расстреливали дезертиров. Предупредили.

* * *

В училище мы прошли курс годичный – все то, что необходимо было для спасения, оказания первой медицинской помощи, остановка крови при помощи жгута. Были жгуты, но большинство из нас обучали ремнями,

потому что у каждого солдата ремни были. И нас научили, как остановить кровь ремнем вместо жгута. Потом, учили нас, как вытаскивать, особенно, из подбитых танков. Была большая особенность. Я как раз всю войну был в танковый войсках, поэтому я очень хорошо это запомнил, и это мне пригодилось. Вытаскивать из подбитого танка было очень сложно, при помощи плащ-палатки. У нас были лямки специальные, очень длинные - несколько метров. Приходилось этих раненных обвязывать кругом, под мышками, и вытаскивать. Конечно, мне помогали те, которые оставались в живых, те, которые не ранены были. А потом с этого танка приходилось перетаскивать туда, где стояла медицинская машина, принимала раненых.

* * *

Но я немного отвлекся... Здесь, на этой станции военный комендант предупредил. Мы остались. Я говорю мы, потому что нас двоих отправили на Сталинградский фронт, и мы приехали вместе на эту станцию. Вагоны горят, крики раздаются. Несмотря на то, что они уже раненные, так еще получили ранения. Бомбежки... Горят... Приходилось залезать в эти вагоны, оттуда вытаскивать раненых, перетаскивать в целые вагоны, которые подгоняли быстро. А те вагоны, горящие, быстро в сторону или в тыл подцепляли к паровозам и увозили. Он предупредил, что на этом не закончилось. Где-то минут через 15-20 появился самолет. Комендант нам сказал, что это немецкий разведчик под названием «Рама». Почему «Рама»? Потому что строение этого самолета похоже было на раму. Крылья очень большие, он покрутился-покрутился и улетел. Комендант сразу сказал: «Ждите нападения истребителей». Действительно, через 5-10 минут появились истребители, начали пикировать на уцелевшие вагоны, и что-то страшное... Действительно, вот здесь страшно стало. Конечно, некогда было очень переживать, потому что приходилось бегать с вагона в вагон, вытаскивать раненых, оказывать первую помощь. Переломы там и так далее. Для переломов нам показывали и выдавали специальные сетки, но их очень мало было, поэтому доски разные искали, фанеру. Для того, чтобы подвязать, и меньше боль была у этого раненого. Какая станция была, я не помню. Только знаю, что рядом была очень большая станция Катлубань. А эта была маленькая. Специально там сделали эвакуационный пункт медицинский для того, чтобы незаметно было.

Поработали там, а потом вдруг появился комендант. Когда время истекло, и нам надо было уже отправиться в бригаду, появился один капитан. Как я узнал после, комендант сказал, что этот капитан – разведчик разведроты нашей дивизии. Он просит, если есть медицинский работник, лучше, конечно, не санитар, а фельдшер... А так как я закончил и получил

звание фельдшера, то два кубика в петлице было. Тогда не было офицера. Офицеры только в 43 году появились. Примерно звание соответствовало лейтенанту или младшего лейтенанту – как кому посчастливится. Мне как раз посчастливилось, я получил в 43 году лейтенанта, то есть погоны и две звездочки.

И вот, он попросил, чтобы ему дали одного медработника. Он ко мне обратился, я говорю, я не имею права сам решать, связывайтесь с командованием – если они разрешат – пожалуйста. А у него погибла медсестра, у этого разведчика. Он говорит, что он получил задание – вблизи, в одном селении каратели – а там были специальные войска карателей, которые отправлялись и выискивали партизан. И если кто-то был связан с партизаном, хоть чуть-чуть намек какой-то был, что они помогали партизанам – все, их расстреливали. И вот группа на мотоциклах появилась в этом селении, и начали собирать жителей в один сарай. Загнали их в сарай, обложили соломой. У них были огнеметы – начали с этих огнеметов обстреливать сарай, и он начал гореть всюду. А там дети, старики, как обычно, жены оставались в селении. Крики, что-то страшное, раздирающее. И вот он говорит, что есть задание этой разведроде отправиться освободить этих жителей.

Он связался, командир бригады разрешил мне временно побыть в этой разведроде, и мы отправились туда. Конечно, отбили этих немецких карателей. Один только на мотоцикле спасся и удрал. Командир роты приказал мне и одному разведчику вместе с бронетранспортером отправиться вдогонку за этим немцем, но это время мы увидели самолет над нами, который начал гореть и падать. А с самолета – видно было – выпрыгнул кто-то с парашютом. Ну мы потом узнали, что это летчик, раненый, без сознания, упал на землю. Мы быстренько к нему. До этого поймали этого немца, издали, из пулемета его расстреляли. И быстро приблизились к раненому летчику. Его пришлось перевязывать. У него осколок был навывлет в правом боку, легкое было пробитое, ненасквозь. Пришлось наложить двойную повязку спереди-сзади, чтобы дыхание было лучше. Записку пришлось, как нас учили, написать. Записку, когда повязка была наложена. И быстренько на этом бронетранспортере отправились в санитарную часть бригады. Ну мы его сдали там и возвратились обратно в роту. А рота начала освобождать всех. И один ребенок был ранен, очень тяжело ранен, потому что мать решила в окно сарая выпрыгнуть, но ее расстреляли и зацепили ребенка тоже. Пришлось тоже его спасать и отправлять также в санчасть дивизии.

Потом пришлось еще побыть долго в этой разведроты, решили меня оставить вообще там, и до 43 года, когда победили и взяли в плен генерала Паулюса, и очень много тысяч немцев, нас отправили на переформировку около города Камышин.

Эта разведрота была в танковой части, там были свои разведчики. Конечно, в каждой части были свои разведчики. Номер бригады был - 64-я танковая бригада. В 43 году в феврале месяце закончилась в Сталинграде битва, нас отправили в лес около Камышина, там переформировка была. А дальше, что с 64-й танковой бригадой было я не знаю. Потому что нам ничего не говорили, просто отправили на переформировку. Раз на переформировку, то, как я узнал потом, часть или же полностью разбивается, то есть остается без танков, или же, если очень мало танков, отправляется на переформировку для получения пополнений танков. И, конечно, личного состава, отдыха и так далее и так далее.

Ну мы были где-то там в этом лесу с полмесяца, не больше. Конечно, мы молодые, на ночь ходили, вечером, группами в город Камышин на танцы. Но это недолго длилось. И потом я получил направление в 43 году в 259-й танковый полк на должность фельдшера.

Приехал я туда, там была санитарная часть в полку. Полк стоял где-то в лесу, я не помню, где. Только знаю, что я приехал туда, доложил майору и узнал, что он там один военный врач. Еще один военный фельдшер – женщина, и я. И один санитар. На весь полк. Нас направили, когда все было готово, на передовую. Мы в 259-м танковом полку освобождали Черкассы, это 2-й Украинский фронт. Там тоже событие было небольшое. У меня был санитар, молодой парень, очень добрый, хороший друг, помогал мне очень.

Однажды в лесу недалеко под Черкассами вечером, когда наши танки стояли перед тем, как двигаться в бой, появилось несколько машин. Потом мы узнали, что это «Катюши». Они дали несколько залпов и исчезли сразу. Мы лежали с санитаром, сделали маленькие ямки, чтобы сохранить себя от пуль. А впереди стояли наши танки. Они дали залп, и вдруг взрыв, очень сильный взрыв над нами. Оказывается, один снаряд зацепился – деревья очень высокие были – зацепился, разорвался. И когда я обратился к своему санитару с каким-то вопросом, он не ответил. И когда я начал его осматривать, чуть-чуть светло было, я заметил в голове его маленькую ранку, кровь чуть-чуть просачивается, и содержимое мозга. Я сразу пульс начал проверять, конечно, пульса не было никакого. Он еще тепленький был, но начал остывать. Но здесь я связался с одним командиром танца, и он мне помог его предать земле. Очень жаль было.

Потом пошли наступления, освободили Черкассы. Я находился все время на танке, потому что у нас были Т-70 и Т-34. Т-34 – там четыре человека – командир, помощник, который подает ему снаряды, пулеметчик, он же и связист, и механик-водитель. И больше людей туда нельзя было. И мне приходилось все время, всю войну находиться сзади. На танке есть командирская башня – она меня защищала от осколков, пуль прямых и так далее.

В танковых частях были очень большие потери, особенно, когда фашисты обстреливали подкалиберным снарядом – он пробивал все части, за исключением передней части. Потому что передняя часть была самая сильная – там находился механик-водитель, основной, который вел машину и пулеметчик. У танкистов, в основном, были ранения вплоть до того, что отрывало руки, предплечья – оставалось только плечо... Или же пробивало осколками грудную клетку.

Люк у водителя был всегда закрыт, у него только глазок, где он смотрел. Опасно было держать люк открытым. Осколки были от подкалиберного снаряда от самого танка. Очень сильный был удар. Он не пробивал, но осколки летели от него. (Был у меня случай), когда пострадал механик-водитель, потому что всегда старались его убрать в первую очередь для того, чтобы остановить танк. Ну и пострадал левый бок стрелка-радиста – рука, полностью побита осколками, и один осколок в грудной клетке. А у этого оторвало руку. Пришлось повозиться, и немало повозиться, пока я остановил кровь, жгут наложил. У него осталась только культяпка маленькая, здесь очень сложно накладывать жгут. И, конечно, этих двух раненных пришлось отправить в медпункт.

Я наблюдал за всеми танками, я находился сзади, на последнем танке и видел все танки. У меня сумка была санитарная, полностью укомплектована всеми необходимыми вещами, которые были нужны для раненого. Кроме меня в каждом полку, в каждой роте был обязательно санитар. Но санитар – что он может? Только помочь вытащить. Но оказывать первичную медицинскую помощь он не мог. Он мог, конечно, наложить повязку. Но остановить кровь или перелом – он этого не мог. Поэтому я находился на последнем танке и все наблюдал. Командирский танк всегда впереди. Если какой-то танк подбивали, я быстренько спрыгивал со своего танка и бегом к тому танку.

Стреляли, но на это я не обращал внимания, я должен был оказать помощь. Я не думал ни о чем, кроме оказания помощи. Конечно мне помогли те из экипажа, кто был не ранен. Потом приходилось на плащ-

палатке или на шинели вытаскивать раненых из боя, потому что другие уходили – не ждали меня. И я оставался, вытаскивал. И потом мне приходилось искать, я знал, где санитарная машина находится. К машине этой, сдавал этого раненного, а потом опять возвращался. Конечно, приходилось очень долго искать своих: танки очень быстро передвигаются. По пути я не имел права обходить ни одного раненного – любого, не только нашего полка. Пехота...особенно среди них очень много было раненных.

Ожоги в танках страшные были – смотря куда снаряд попадал. Если впереди – это нестрашно, а если сбоку, или если навесной снаряд падал... Там, где жалюзи, мотор был – это вообще страшно. Он горел, взрывался и так далее. Поэтому мне приходилось в первую очередь спасать и оттаскивать подальше от танка, чтобы не погибли. Конечно, и себя сохранить тоже. Горели страшно. Самое страшное, что могло быть для человека – это обгореть. Если большой процент обгоревший... Я, правда, снабжался специальной мазью противоожоговой. Я смазывал, но эффекта очень мало было. Может быть, на какое-то малое количество времени, чтобы он не чувствовал такой боли. Смазывал и не накладывал повязок, потому что это еще хуже. Это самые-самые тяжелые ранения, которые встречались. Но, слава Богу, не очень много было по сравнению с другими. В основном, осколки. Конечно, много погибших было танкистов.

Немецких пленных я мало видел. В Сталинграде их было большое количество. Потом я их видел тогда, когда дальше мы освобождали город Ковель. Мы много окружили их, и они ночью сбрасывали снаряды и питание, и одежду. Многое и нам попадало, мы радовались - они очень снабжались хорошо. Когда мы взяли город, и наш полк стал называться Ковельский – тогда я видел пленных немцев. Еще я видел немцев в этом же полку, когда войска начали отступать. Вдруг в один день, очень прекрасный день, солнце, мы все увидели - а мы находились в землянках - что бегут люди, машины с подцепленными пушками. Почему-то в нашу сторону. И мы видели, что это наши бегут. А потом узнали, что немцы прорвались. И потом дальше, где-то метров пятьсот-шестьсот увидели автоматы. А у нас тогда мало автоматов было и маленькие были. Я тогда увидел, как наступают. Правда, их остановили, край был очень сильный, и танки наши тоже находились там. Стреляли из пулеметов и танков, даже из зениток. Остановили их. В общем, мы окружили Ковель и дальше отправились.

Везде, где я служил в танковых частях, я попадал только на передовую. Я потом уже понял, что закончил ускоренный курс, а все остальные были врачи, капитаны, старшие лейтенанты. Лейтенант один был, только-только закончил медицинский. Не училище, не ускоренный, а институт. Они

оставались все при медицинской части. А мной затыкали все дырки. Так, я Сталинград, Ковель освобождал. Потом Польшу начали освобождать, освободили.

Кроме того, я был под Черкассами сильно контужен. Это произошло так. Я находился на танке, как обычно. Командир почему-то потерялся, это ночью было. Мы потерялись и почему-то оказались в окружении. Снаряд упал близко, а так как я сидел на танке, меня оглушило вовсю. Хорошо, что командир разведки нас освободил быстро, и я десять дней был глухой совершенно, не разговаривал.

Я все время находился в землянках. Было очень мало возможности снабжать нас, мыть, бани, смены белья... И, извините, вшей было... Заразился брюшным тифом – еле-еле выжил. Мне уже нянечка рассказывала, что вокруг меня погибали, умирали. Потом она меня начала обслуживать и кормить. Она говорила, что после этой болезни очень много кушают. Потому что без сознания находятся около месяца, а бывает, и больше. Температура сорок. Полевой госпиталь – постели не было, только солома, брезенты, кровати не было. Даже не говорю про столы – ящики стояли, и нас кормили. И эта няня говорит – видите, сколько пищи вокруг вас. Это все люди, которые ушли, не ели. Я вас накормлю хорошо. Я сразу заметила, что вы открыли глаза и побежала к врачу, сказать, что вы живы.

После этого попал я в 12-ю самоходно-артиллерийскую бригаду. Она находилась в лесу. Так как я был очень слабый, а машин, конечно, не было, получив направление в штабе армии, я пешком пошел искать эту часть. А там не маленький медпункт был, а большая медицинская часть. Начальник был майор, потом три врача. Один врач исполнял обязанности – готовил лекарства, два фельдшера, в том числе и я. Один – старший лейтенант, и я – лейтенант. Медсестра одна была, Мария, очень хорошая, работник замечательный. И две санитарки были. Это была часть на самоходно-артиллерийскую бригаду. Я попал туда, и начальник был очень хороший человек. Сколько жить буду, помнить буду. Всегда ко мне относился по-человечески. Он был очень добрый. Когда узнал, что я из госпиталя, сказал, что пока мы находимся на переформировке, пока получим танки и так далее, я тебя трогать не буду – отдыхай, набирайся сил.

Я начал набираться сил. А так-как я закончил музыкальную школу и играл в оркестре, был чуть-чуть способный – я услышал, когда гулял в лесу, где-то играет баян. Я сразу туда. Пришел, смотрю, баянист. Сергей, 14-го года был, и девушка. Голос замечательный, смахивал немного на цыганский. Я слышу, что она ругает его вовсю. Я постоял-постоял. Я лейтенант был, а он сержант. Оказывается, она тоже работала в санчасти санитаркой. Но голос замечательный был, очень хороший. Она ругает его все время. Я узнал, в чем дело. Она говорит – да он музыкант, а не может записать мелодию. Я пою, а он не может записать и играть. Я говорю, знаете, не каждый сможет это сделать. Это надо иметь внутренний слух, абсолютный слух и уметь это делать. А как же нам быть?

Я говорю – давайте я это сделаю, записал. Потом они меня избрали старшим. Она пела, я записывал эти песни, и они исполняли. А так как командиры – у нас был полковник Агафонов – всегда собирались во время переформировки и чуть-чуть прикладывали – там и генералы были, и полковники. А этот полковник Агафонов был замечательный любитель музыки. И вот он этого Сергея взял к себе на должность связиста. Но связистом он не был, занимался только баяном. Все мероприятия, куда он ни ездил – полковник брал их с собой. Он играл, она пела. Так как я появился, он меня начал втягивать – как же тебя, говорит, взять в эту группу. Ты проходил фортепиано? Я говорю, конечно. Он говорит, я тебе достану аккордеон. Он так и сделал, достал мне аккордеон, я начал втягиваться. Я был в этой группе, пока на формировке были, я научился хорошо играть на аккордеоне. Он мне достал хороший аккордеон, очень хороший. Правда, один регистр был только. Ну и я ездил тоже с ними.

Начальник мой, майор, сказал, что это очень хорошо, тебе на пользу, я рад, что ты этим будешь заниматься. Он только впервые узнал, что я музыкант. Так я не говорил никому.

Это было после того, как Ковель освободили, Белоруссию начали освобождать полностью, и дальше подходили к полякам. Это была Западная Белоруссия, до того, как мы подошли к полякам. В этой же бригаде мы потом попали – начали освобождать один город, а город этот охранялся власовцами. Мы потом узнали, что эти солдаты были прикованы к пулеметам, к пушкам для того, чтобы они не удрали. Многие не хотели, не по своей воле пошли за власовцами, и были прикованы. Мы освобождали этот город, выпало из головы название...

Я пропустил вот еще – Курская дуга. Я был еще на Курской дуге, в 259-м танковом полку. Я был как раз в этой деревне, в Прохоровке, и видел всю

эту эпопею. И замечательно было, и такая радость была, и, конечно, горе было такое, когда я встречался с ранеными.

Мне командир выделил семидесятку – танк. А этот танк ведь маленький – там только командир и водитель. Броня очень тонкая. Сбоку крылья у Т-34 были широкие, можно было положить раненного, а тут были узкие – приходилось привязывать его лямкой в плащ-накидку, привязывать к скобам, чтобы не упал. Сзади нигде нельзя было его поместить. Мне выделили такой танк, чтобы можно было вывозить раненых быстро. Когда мы приехали, около одного дома, около Прохоровки, въезд в село – один дом. И там стоял наш танк Т-34. Узнали, что этот танк подорван – он попал как раз на мины – и днище все было вырвано. Невозможно было раненных оттуда удалить, потому что водитель погиб, остался командир, его подавальщик снарядов. Тяжело ранен стрелок. Мне помог командир, пришлось через люк вытащить раненого стрелка при помощи лямок. Он поставил люк так, чтобы, когда враг стреляет, люк был впереди, а мы сзади. Шли бои. Не близко, конечно, метров 300-400-500. Но пули, осколки попадали – для того, чтобы защитить раненого и себя, он поставил так люк, чтобы мы были сзади. Вытащили, попросили командира танка-семидесятки, чтобы он подъехал ближе, так, чтобы идти точно по накату 34-ки, чтобы не попасть опять на мину. Перетащили этого раненого, я его отвез, потом опять возвратился.

Самое интересное – очень приятно было. Был такой случай – по сто самолетов туда и обратно – они в эту сторону, наши – в другую. И то же самое танки шли. И вдруг увидели, когда один самолет оторвался – истребитель – и пошел в тыл за немецкими самолетами, пристроился. И начал расстреливать понемногу эти самолеты. Такая радость была, просто страшная, аж слезы накатывали на глаза. Потом он быстро в пике пошел, ушел от них и пристроился к нашим. Вот такой случай был. Ну а там много еще было случаев, когда приходилось вывозить на танке, оказывать помощь медицинскую и так далее.

За подбитыми танками шла специальная группа – специальные войска, которые их вывозили. Если трак был подбит, они сразу восстанавливали танк, потому что в таком случае танкисты, оставшиеся в живых, не уходили от танка. И они сразу потом догоняли своих. Ну а все остальные танки вывозили.

Под Курском немцы сильно наступали, конечно, было ощущение, что немцы могут прорваться. Но наше командование очень умно решило вопрос в отношении наступления. Обычно рано утром они давали очень

большой, длительный, в течение часа, обстрел из всех видов оружия. А потом только начинают наступать. Идут танки, потом пехота идет...А тут наше командование решило, мы потом поняли, что где-то на минут сорок или пятьдесят раньше начать обстрел. Обстрел в течение часа шел страшный, один гул стоял, из всех видов оружия. Это во многом сыграло большую роль.

Наш полк наступал. Он все время наступал. Он входил в Центральный фронт. Польшу начали освобождать, Украину. Я форсировал также Днепр, когда был на 2-м Украинском фронте.

Была разница между службой танкистов и самоходчиков. У танкистов одни танки были – Т-34 и семидесятки. В танковом полку их немножко было, всего одна рота, не больше. Точно не помню, но думаю, одна рота семидесяток была. Был один случай, когда в этом же полку две семидесятки стояли рядом, и одним снарядом пробило два танка. Очень тонкая была броня, но они были легкие и очень быстроходные. А самоходная артиллерийская бригада – там танки и самоходки. Чем отличались танки от самоходок? Танки закрыты полностью. Самоходки – закрыт только механик-водитель. Все остальное открыто, накрывалось только брезентом на случай дождя. Разные были самоходки – тяжелые, легкие, средние. Для личного состава скамейки были специальные, на которых сидели и передвигались. Потом, когда надо было, они быстренько за танками шли. Самоходки должны были поддерживать танки. Они специально для этого были. Танки не могли завершить весь процесс, должна была обязательно поддержать пехота.

У самоходчиков были разные ранения, начиная от легких до очень сложных – там же все открыто было. Им приходилось бегать за танками. Когда за танками бегаешь – опасности меньше. А так снаряды попадали и пули, осколки.

Потом эта бригада стала 12-м танковым полком. В этом полку я и закончил войну. Мы форсировали Одр. Очень сложная река, широкая, глубоководная. Вот, там тоже мне пришлось с разведчиками отправиться для расширения плацдарма. Там начали строить понтонный мост. Там, где самое узкое место реки, чтобы меньше было опасности. Специально провели обманное наступление. Где-то метров 300-400 левее понтона начали обстрел на полчаса, очень сильный. А потом на лодках были отправлены разведчики, за ними пехотный полк. Мы, когда начали отправляться, была ночь. Пока немцы ничего не чувствовали, нас не трогали. А когда начали подплывать к берегу, начали появляться фонари

высоко в воздухе – это они обстрел делали, бросали специальные ракеты. Начался обстрел, очень сильный, очень много пехоты погибло. Много попаданий прямо в лодки. Когда высадились разведчики с пехотного полка, начали расширять этот плацдарм. И с нашего места начали освобождать от фашистов все побережье вплоть до понтонного. Очень быстро построили сильный и хороший мост. Этот мост даже выдерживал танки Клим Ворошилов, Иосиф Сталин – это самые тяжелые, самые сильные танки. И начали там расширять плацдарм.

Потом мы наступали на Берлин, обходили с юга. Цоссен обходили. Потом три километра не дошли до Эльбы, там, где встретились наши войска с американцами. Немцы очень сильно отбивались. Он начал снимать с других участков – с тех, где они были против американцев. Они отзывали оттуда свои войска, чтобы не допустить русских первыми войти в Берлин. Потому что не знали, чем это закончится. Мы южнее реки Эльбы были, в одном маленьком селе. У них сел нет, все дома очень хорошие. Мы там и встретили сообщение о Победе, рано утром.

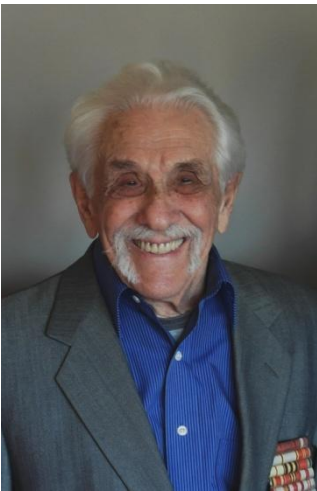
Узнали, что Победа, были очень рады, никак не отмечали. Просто другу жали руки, обнимались, целовались, поздравляли. А так, чтобы какой-то праздник был – не было.

Было страшно во время войны. Когда я впервые попал на ту станцию и увидел, что творится... До этого не видел в жизни никогда ничего такого, не представлял себе. Когда уходил из дому, мама мне дала куртку, сменное белье, сапоги одни, смены обуви не было. Мы даже не рассчитывали, что надолго уходим. Оказалось, что надолго.

С питанием по-разному было. По Ковелем, когда мы держали оборону, когда нас окружили, бывали случаи, когда кушать нечего было. Не могли прорваться тыловики и доставить пищу. Но ночью как-то им удавалось нам что-то привезти. Один раз даже командир, мой начальник сжалился надо мной и разрешил приехать в санитарную часть. Мне дали возможность искупаться, накормили, выпили. Поспал я в постели, на простынях. Он разрешил мне это сделать, и я одну ночь спал. А так – в землянке. Я был один фельдшер. Немцы что-что, а землянки строили добротнo. Мне

выделили хорошую землянку для приема раненных. Там оказывал помощь и жил.

Танкисты обычно спали в землянках. Дежурный обязательно оставался в танке. Танки были недалеко от землянок. Метров, может быть, 100-150. Там траншеи были, землянки. Остальные землянки не очень шикарные. Но, во всяком случае, стеллажи там были. Можно было лежать. Шинель – она и подушка, и постель, ночами укрывались. Форма была обыкновенная – сапоги. Когда меня только призвали, были обмотки. А когда уже в училище был – там были сапоги. Не хромовые, конечно, а кирзовые. Но это хорошо было. Так как я был в танковых частях, все время приходилось находиться на танке. Когда холодно было, ночью, я всегда лежал на жалюзях – теплые. Был брезент, накрывался брезентом. А летом тоже на танке спал. Внутрь нельзя было, все было рассчитано на четырех человек или на двух человек. Больше нигде было даже ногу поставить.

Был случай, когда благодарили. Летчик, которому я оказал помощь, он был без сознания. Потом я узнал, что какой-то летчик интересовался, кто его спас, перевязывал. Ему сказали, дали фамилию, но я не встречался с ним. А так – им не до благодарности было. Они рады были, что остались в живых. Очень многие погибали из-за своей неосмотрительности. Я знаю, что один командир, капитан, случайно погиб. Он решил посмотреть, где его танки расположились. Открыл командирский люк и высунулся. Ему стоило только высунуться – все, его снайпер и убил. Меня вызвали, я к этому танку, но уже поздно было. Я помог перевезти его в санитарную часть для того, чтобы его с почестями похоронили. Это был командир батальона.

Было много таких случайностей. Умным можно не быть, но осторожность должна присутствовать. Там, где город – масса батальев. Там, где были власовцы, наши войска и наши танкисты освободили железнодорожную станцию. Она была узловая, большая-большая, примыкало очень много домов и площади. Вот оттуда мне пришлось вывезти на санитарной машине 75 раненных. Я получил за это орден «Отечественная война» второй степени. Там возможности не было по асфальтовой дороге добраться непосредственно до железнодорожной станции. Где-то за 300-400-500 метров надо было съезжать с этой дороги и двигаться по грунтовой дороге между домами. Хотя у них в домах на чердаках во многих местах сидели снайперы, нас предупредили. Так оттуда

вывозил. Возможно было вывезти в санитарной машине четырех лежащих тяжелораненных и где-то пять-шесть человек еще на полу сидели – была скамейка около кабины.

Интервью подготовлено учениками и учителями

Русской школы Грамота.

г. Монреаль, 2014 г.

